

Федор Буслаев

Погодин как профессор

Федор Буслаев

Погодин как профессор

«Public Domain»

1876

Буслаев Ф. И.

Погодин как профессор / Ф. И. Буслаев — «Public Domain», 1876

ISBN 978-5-04-011530-3

«Профессорская деятельность Михаила Петровича Погодина, столько же многосторонняя и значительная по многим отношениям к русской ученой литературе и к истории Московского университета, как и вообще вся его литературная и общественная жизнь, предлагает богатые материалы для истории русского просвещения за последние 50 лет. Теперь, когда личность этого замечательного человека не успела еще отойти в перспективе прошедшего на такое расстояние, при котором возможно бы было историческое беспристрастие, я полагаю несвоевременными всякие обобщения и решительные выводы и ограничусь только личными своими воспоминаниями из времени моего студенчества в Московском университете с 1834 по 1838 г. с присовокуплением некоторых, тоже личных моих соображений, которые считаю необходимыми для ясности предмета...»

ISBN 978-5-04-011530-3

© Буслаев Ф. И., 1876

© Public Domain, 1876

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Федор Буслаев

Погодин как профессор

Читано в публичном заседании Общества любителей российской словесности, 21 марта 1876 г.

Профессорская деятельность Михаила Петровича Погодина, столько же многосторонняя и значительная по многим отношениям к русской ученой литературе и к истории Московского университета, как и вообще вся его литературная и общественная жизнь, предлагает богатые материалы для истории русского просвещения за последние 50 лет.

Теперь, когда личность этого замечательного человека не успела еще отойти в перспективе прошедшего на такое расстояние, при котором возможно бы было историческое беспристрастие, я полагаю несвоевременными всякие обобщения и решительные выводы и ограничусь только личными своими воспоминаниями из времени моего студенчества в Московском университете с 1834 по 1838 г. с присовокуплением некоторых, тоже личных моих соображений, которые считаю необходимыми для ясности предмета.

По счастливой случайности наш курс совпал со временем самых значительных переворотов в истории Московского университета, начиная от важного и существенного в составе преподавателей и характере преподавания и до внешней обстановки в стенах университетских зданий и до самого костюма студентов. Именно на нас, когда мы были студентами, произведены были первые опыты обновления университетской науки новыми преподавателями, с появлением которых, как нарочно, мы перешли в аудитории нового здания (что по ту сторону Никитской) из здания старого, между аудиториями которого была, во-первых, эта самая зала (с кафедрою между окнами)¹ и такая же по величине, соответствующая ей внизу, в которой мы сначала и слушали лекции Михаила Петровича.

Вместо трехлетнего курса, как было прежде, именно с нас начинается принятый и доселе курс четырехгодичный, так что новый порядок должен был отделиться от старого целым годом, в который вовсе не было выпуска студентов из университета.

Итак, мы поступили в студенты при профессорах еще старого университетского устава, между ними были: Каченовский, Давыдов, Надеждин, Кубарев, Шевырев, Михаил Петрович Погодин. Когда же перешли мы на 2-й курс, факультеты Московского университета одновременно вдруг обновлены были целою колонию новых профессоров, только что возвратившихся из-за границы. Это именно из числа той массы молодых людей, которые были набраны частью из студентов Духовных академий при II Отдел. Государственной канцелярии, по распоряжению графа Сперанского, потом частью из студентов разных университетов для так называемого Профессорского института и уже после того из воспитанников Института педагогического.

Юридический факультет Московского университета был тогда обновлен вполне профессорами: Крыловым, Баршевым, Редкиным, а поздние Пешковым и друг., медицинский — значительно; менее других — физико-математический. Что же касается до нашего факультета, то состав его был настолько хорош, что следовало в нем пополнить только кафедры классических языков, для римской словесности — Крюковым и для греческой — Печориным, который, однако, читал нам меньше году и был заменен вызванным из Германии немецким ученым Гофманом.

Та же карьера этих новых профессоров предстояла и Михаилу Петровичу. В 1825 г. он защитил свою магистерскую диссертацию *«О происхождении Руси»* и с того же года стал преподавать в Московском университете всеобщую историю. А через два года, именно

¹ Где бывают теперь публичные заседания Общес. любит. рос. слов.

в 1827-м, последовало приглашение правительства студентам университета вступить в упомянутый мною Профессорский институт для отправления в Дерпт, а потом в чужие края. Но Михаил Петрович, – как сам он говорит в своей автобиографии, – «не соглашался подчиниться условиям принятия», написав, между прочим, в своем объяснении, что не считает для себя нужным по предмету своих занятий учиться в Дерпте, а вместо Парижа желает провести часть назначенного для путешествия времени в университетах Германии, что желает принадлежать всегда именно Московскому университету, а не какому-либо другому, что, получив в Московском университете степень магистра и удостоясь уже почетных избраний от разных ученых сословий в государстве, он «почитает оскорбительным для сих мест подвергать себя посторонним экзаменам наравне со студентами, только что окончившими свой курс».

Такой решительный протест со стороны молодого профессора объясняется тем видным положением, которое уже и в то время успел занять Михаил Петрович в науке и вообще литературе, вместе со своим товарищем и другом Степаном Петровичем Шевыревым, и особенно в том избранном кружке литераторов, душою которого был поэт Веневитинов и к которому столько питал симпатии сам **Пушкин**, что по его мысли и желанию Михаил Петрович именно в том самом 1827 г. стал издавать *«Московский Вестник»*, в котором принимали участие Веневитинов (впрочем, скоро умерший), Шевырев, Титов, кн. Одоевский, наконец, сам Пушкин.

Таким образом, когда в 1835 г. явились в наш университет из-за границы новые преподаватели, воспитанные по программе, которую Михаил Петрович находил для себя неудовлетворительною, тогда он, вместе с Шевыревым, опираясь на свой ученый и литературный авторитет, оказался на стороне противников. Они не могли отвергать существенной необходимости заграничного обучения для полного образования русских профессоров, что испытал на себе и сам Шевырев, проводивший за границею больше трех лет до вступления на кафедру, да и прежде эта мера не раз оказывала свое благотворное действие. Примером тому, между прочими, мог служить Тимковский, отличный профессор греческой и римской словесности, который еще в самом начале текущего столетия получил высокое классическое образование в Гёттингене у тогдашних знаменитых филологов Гейне и Мичерлиха. Погодин и Шевырев ничего не имели против обучения в германских университетах; они стояли только за свободное и самостоятельное отношение к науке тех лиц, которые предназначают себя к профессуре. Они подвергали сомнению самый принцип искусственного рассадника профессоров. По собственному опыту и по прежним примерам они оставались при том убеждении, что профессорское призвание не назначается извне, по канцелярскому распоряжению хотя бы самого Сперанского, и не выделяется искусственными средствами, а зарождается и развивается самостоятельно при более свободных условиях, в благоприятной обстановке учено-литературного поприща.

Борьба, возникшая из принципа первой важности о высоком значении профессора на поприще общественной и литературной деятельности и о лучшем способе приготовления к профессуре, эта борьба внесла новую жизнь в Московский университет и особенно в наш филологический факультет, где действовали такие крупные личности, как Погодин и Шевырев, и не замедлила отразиться и в самой литературе в тех двух партиях, которые под именем западников и славянофилов громко заявили себя в печати 40-х годов. В то время как пребывавшие из-за границы профессора со своими германскими симпатиями, как космополиты, проповедовали свои учения во имя интересов общечеловеческих, стремление к которым, по их теории, должно стереть с лица земли всякие различия отдельных народностей, а в народности русской и вообще славянской видели только недостатки грубости и варварства, и, таким образом, ставили они себя под знамя западничества, которое пользовалось тогда у нас официальным покровительством: в то время Погодин и Шевырев, сильные преданьями русской

литературы, которые они приняли непосредственно из рук лучших ее представителей, объявили, своим принципом народность, и именно народность русскую. Органом этого славянофильского направления сделался журнал *«Москвитянин»*, который с 1841 г. стал издавать Погодин при главном и постоянном сотрудничестве профессора Шевырева.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.